

- ⁵² Вопрос о работорговле и об использовании рабов их хозяевами я планирую рассмотреть в одной из следующих статей, посвященных рабству в раннесредневековой Англии.
- ⁵³ *Корнелий Тацит*. Сочинения : в 2 т. / пер. и ред. А. С. Бобовича, Я. М. Боровского, М. Е. Сергеевко. М., 1993. Т. I. С. 364.
- ⁵⁴ Д. Пелтерет пишет, анализируя высказывания о рабах архиепископа Вульфстана, что для него «раб был не скотиной, но человеческим существом, стоящим на самой нижней ступени социальной лестницы», не ответственным в той же степени за свои деяния,

что взрослый свободный человек (*Pelteret D. Op. cit.* P. 90–91). Однако этот вывод было бы неверно распространять на юридическую ответственность рабов в целом. То, что они находились под покровительством, еще не делало из них детей. Несовершеннолетних, и в англосаксонском праве тоже, не наказывали строже взрослых, как это происходило с рабами. Как я постараюсь показать в дальнейшем, в представлении англосаксов раб был человеком враждебным, опасным, а потому подлежащим более строгому наказанию.

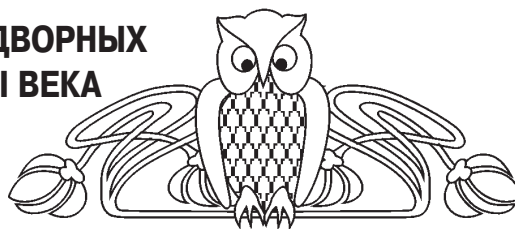
- ⁵⁵ См.: Кузицин В. И. Указ. соч. С. 89.

УДК 94(410)82/89

NUGAE CURIALIUM: КРИТИКА НРАВОВ ПРИДВОРНЫХ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XII ВЕКА

А. К. Гладков

Институт всеобщей истории РАН, Москва
E-mail: alextata@yandex.ru

В статье исследуется проблема «забав» (*nugae*) в социальной и политической жизни Англии XII века. Согласно трактату Иоанна Солсберийского «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» («*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*», 1159), «забавы» представляют собой наиболее примечательную часть «*vita tyranni*». Не только короли, но и придворные живут без понимания своей исключительной роли в государстве. Неумеренная любовь к охоте, азартным играм, магии, музыке и лицедейству актеров преобразует «разумного человека» в «неуравновешенного зверя». «Забавы» воздействуют на придворных и их государя, которые подменяют идеалы «общей жизни» и «всеобщего блага» «себялюбием» и личными интересами. Иоанн Солсберийский выступает против «эпикурейской» апологии наслаждения, представленной как в коллективной, так и в индивидуальной жизни всех слоев общества, особенно придворных, и отстаивает христианские идеалы умеренности. Мыслитель создает образ короля и его двора в зеркале «развлечений». Исследование такого рода повседневной жизни помогает понять природу и особенности представлений о несправедливой власти (тирании) в Средние века.

Ключевые слова: средневековая политическая мысль, Иоанн Солсберийский, придворные, «Поликратик».

Nugae Curialium: Criticism of Dispositions of the Courtiers in Political Thought of Twelfth Century England

A. K. Gladkov

This article deals with the problem of frivolities («*nugae*») in social and political life of England in the twelfth century. According to John of Salisbury's «*Policraticus of the frivolities of courtiers and the footprints of philosophers*» («*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*», 1159) frivolities are the most significant part of «*vita tyranni*». Not only courtiers, but also kings, live without understanding of their great role in the state. Immoderate love of hunting, games of chance, magic, music and theatre transforms «reasonable human» into «unbalanced animal». These frivolities influence on the courtiers and their king, who substitutes ideals of «common life» and «common

safety» for the «love of himself» and self interests. John of Salisbury fights against «epicurean» apology of pleasures in common and individual life of all parts of society, especially in life of courtiers, and defends Christian ideals of moderation. Thinker creates an image of king and his court in the mirror of frivolities. Study of such kind of everyday life helps to understand nature and peculiarities of perceptions of the unjust power (tyranny) in the middle ages.

Key words: medieval political thought, John of Salisbury, courtiers, «*Policraticus*».

Крупный английский интеллектуал и дипломат XII в. Иоанн Солсберийский (*Ioannis Saresberiensis, Johannes Saresberiensis 1115/1120–1180*)¹ прославился прежде всего как автор оригинального этико-политического и философско-богословского трактата «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» («*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*», 1159)², оказавшего сильное влияние на всю западноевропейскую общественную мысль. Источники, структура и основные идеи данного сочинения уже давно привлекают внимание исследователей. Необходимо признать, что «Поликратик» до сих пор содержит в себе множество вопросов, требующих дальнейшего разрешения и интерпретации. И хотя сам Иоанн Солсберийский не хотел, чтобы его трактат вызвал недовольство двора³ как английского короля, так и других государей Западной Европы, он, тем не менее, подверг уничтожающей критике гедонистический образ «куртуазного общества». Следуя античной традиции, схоласт считал идеалом индивидуальной и общественной жизни гармоничное соединение созерцательного и практического начал человеческого бытия. К этому вполне достижимому идеалу должны стремиться все те, кто составляет ближайшее окружение государя.

Для создания «психологического портрета» придворных Иоанн Солсберийский воспользовался личным многолетним опытом знакомства с нравами западноевропейской аристократии. Мыслитель заостряет особое внимание читателей на «повседневной жизни» английской знати. При этом его не интересует, что придворные ели, пили, где жили и как обустроивали свой быт. Основное внимание Иоанн уделяет роли «развлечений» в жизни государства. Для схоласта «*nugae*» – это призма, через которую предельно четко видны достоинства и недостатки современного ему общества.

Иоанн, без сомнения, не был ни лицемером, ни ханжой, позволявшим себе радости «мира сего», а за другими отрицавшим право на получение какого-либо удовольствия. Однако тот, кто по воле Господа приближен к государю и активно участвует в жизни страны, не имеет права пренебрегать возложенными на него обязанностями, избегать бремени власти и предаваться удовольствиям. Придворные, изображенные Иоанном в виде «груди» (*latus*), так же как и их государь («голова»), должны жить воздержанно. Вместо этого они с упоением наслаждаются губительными развлечениями. «*Nugae*» в произведениях Иоанна носят подчеркнуто негативный характер. «Забавы» в представлении схоласта – тяжкий грех, повсеместно распространенный⁴ в государстве, поглощающий души и влекущий их в бездну ада. Выбранные мыслителем объекты критики наиболее точно отражают особенности внутренней жизни английского, и шире, всего западноевропейского общества.

В Малом «Энтетике»⁵ Иоанн прямо пишет о том, что развлечения «правят» не только при королевском дворе, но и в папской резиденции, как рыцари, так и клирики подвержены пагубному воздействию греха. Одним словом, и стар и млад, и свободный, и раб, и богатый, и бедный – все живут удовольствиями⁶. Иоанн отмечает, что чрезмерная склонность к наслаждениям ведет к потере разума. Рассуждения мыслителя выходят за привычные рамки христианской морали и философии, порицавшей всякую чрезмерную тягу к развлечениям. Иоанн переносит проблему «индивидуального» греха в политическую плоскость. Фактически именно он одним из первых в XII в. увидел глубину воздействия «заваб», бытовавших как в куртуазной среде, так и в обиходе самого государя, на существование всей страны. Впрочем, не только Иоанн Солсберийский обрушивался с критикой на быт и нравы курии Генриха II Плантагенета. Известные мыслители и писатели XII в. Петр Блуаский⁷, Уолтер Мэп, Нигель Вирекер и Герберт Бошем осуждали и в сатирической форме изобличали варварские обычаи и привычки, присущие приближенным английского короля⁸. Однако только Иоанн Солсберийский усмотрел в этих «тривиальных» и, казалось бы, безобидных поступках политический вред.

Любопытно, например, что заглавие знаменитого сочинения архидьякона Уолтера Мэпа «О забавах придворных» («*De nugis curialium*») совпадает с первой частью названия трактата Иоанна «*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*». Вполне возможно, Уолтер, располагая копией произведения мыслителя⁹, создавал свою работу под непосредственным влиянием идей Солсберийца. Критические выпады Иоанна в адрес придворных и их образа жизни, рассмотренные исследователями в контексте развития английской полемической литературы XII в., были частично изучены в западноевропейской историографии, однако никогда не привлекали принципиального внимания отечественных медиевистов. Среди штудий, посвященных анализу восприятия Иоанном королевской курии, ее быта, нравов и стиля мышления, следует упомянуть пространный статью М. Уилкса¹⁰, а также фундаментальную монографию Эгберта Тюрка, в которой изучен комплекс «придворных забав» эпохи Генриха II Плантагенета¹¹.

Охота (*uenatio*) – один из самых любимых и одновременно пагубных, по мнению Иоанна, способов «скоротать время». Мыслитель, однако, критикует не сам процесс ловли животного ради пропитания или защиты, а прежде всего «игру», целью которой является убийство несчастной твари. Итак, если для одних охота развлечение, то для других – средство к существованию¹². На охоте, столь пышно и даже помпезно обставляемой придворными, происходит убийство ни в чем не повинного животного¹³. Ради получения сиюминутного удовольствия аристократы забывают о всеобщем благе. Только в случае если их помыслы направлены на сохранение жизни народа, его безопасность, тогда избиение зверя может быть оправданно. Так, Иоанн упоминает о «победителе» Алкиде, который преследовал «медноногую лань» не ради личного удовольствия, но ради «всеобщего блага»¹⁴. Мыслитель подчеркивает: охотник, занятый ловлей животных для развлечения, не способен на доблесть храброго воина, поскольку пользуется лишь хитростью и вероломством. Началом падения любого государства, в частности Афин, Иоанн считает легализацию «искусства охоты»¹⁵, в основе которого лежит принцип беспрепятственного истребления животных¹⁶. Ведь люди, жестоко убивающие слабую тварь и теряющие при этом «человечность», сами незаметно для себя уподобляются «полуживотным» и «чудовищам»¹⁷, способным столь же жестоко обращаться с людьми.

Рассматривая жизнь как «дар Бога» (*donum Dei*), Иоанн справедливо задается вопросом, достоин ли его тот, кто только и умеет что убивать животных¹⁸. Во время охоты в человеке просыпаются низменные начала. Он руководствуется лишь своими инстинктами и забывает о науке и искусстве. Иоанн постулирует знаменитый римский принцип «*otium post negotium*», то есть отдых только после труда, а никак не вместо него¹⁹.

Моральная деградация индивида, прошедшего путь от «разумного» до «безумного» и «объятого страстями» человека, пугала схоласта, видевшего глубинные последствия такого перерождения. Ведь нельзя забывать, что господство греха в душе человека роднит и жестокого охотника, и тирана. Как в охотнике редко встречается скромность и никогда, – воздержанность²⁰, так и нечестивый правитель «страдает» тем же. За крайнюю жестокость Иоанн сравнивает охотников с Кентавром²¹, а за безрассудство и гордыню – с Нимродом, которого он называет «отважным звероловом пред Господом Богом» (Быт. 10, 9)²². В основе тирании Иоанн видел получение наслаждения от собственной силы, удовлетворение гордыни и самолюбия при виде несчастья и боли окружающих²³. Фактически тирания – это разновидность охоты, где место животного «формально» занимает человек. Сопоставляя понятия «тирания» и «охота», мы убеждаемся в том, что Иоанн воспринимал их как родственные. Тиран – «враг государства» (*publicus hostis*), а охотник – «враг природы» (*hostis naturae*). Пожалуй, единственное, что их различает, – это «объект» и масштаб. Впрочем, не только тиран получит по заслугам, но и охотник рано или поздно будет подвергнут Божьему суду. Тот кто жил, как зверь, как зверь и умрет²⁴.

Память о событиях недавнего прошлого еще больше укрепляет Иоанна в мысли о том, что знатные люди, боясь навлечь на себя гнев Господа, должны всячески сторониться охоты. В противном случае никто – ни придворный, ни король – не может быть уверен в собственной безнаказанности, так как его непременно настигнет кара Всевышнего. Иоанн, безусловно, знал, как на охоте погиб ненавистный ему король Вильгельм II Рыжий²⁵. Данное обстоятельство также должно было отвлечь читателей «Поликратика» от охоты. Однако предостережение мыслителя было адресовано в первую очередь Генриху II Плантагенету, который преуспел в этом пагубном занятии²⁶.

Любовь к охоте, по мнению Иоанна, не должна отменять христианских заповедей и наносить ущерб религиозному благочестию или, что не менее важно, отвлекать кого-либо от его прямых обязанностей. Если радость от развлечений затуманивает рассудок, то от них необходимо отказаться. Именно умеренность (*modestia*) выступает главным критерием оценки того или иного занятия как простого человека, так и придворного²⁷.

Останавливаясь на привычке аристократов занимать себя азартными играми, Иоанн отмечает, что люди не только испытывают судьбу, наживаются на несчастье неудачников или же сами просаживают состояние. Они прежде всего теряют веру в Бога, ведь любой человек, отдающий свою жизнь на откуп случая, не задумывается о том, что все в мире установлено Творцом и сообразуется с Его волей. Азартные игры – один из ярких примеров того, как индивид теряет разум, как превращается из человека

в животное. Склонность придворных к таким развлечениям, повсеместно перерастающая в образ жизни, наносит непоправимый вред всему государству. Впрочем, и в играх, как отмечает Иоанн, есть положительные качества. Прежде всего благодаря игре, основанной на подсчете чисел, но лишенной при этом духа азарта и жадности наживы, развивается способность здраво мыслить²⁸. Таким образом, в разумных пределах она может принести человеку пользу.

Музыка (*musica*) как неотъемлемая часть «свободных искусств» («*disciplina siquidem liberalis est*»)²⁹ воспринимается придворными лишь как развлечение³⁰, а не как средство укрепления людей в вере и любви к Господу. Даже в основе человеческого организма лежит принцип гармонии³¹, которую Гуго Сен-Викторский определяет как «согласие многих противоположностей, сведение к единству»³². С помощью музыки можно возвысить дух, а можно, как это делают аристократы, еще больше укрепиться в своих грехах.

Иоанн Солсберийский прекрасно знал произведения классической литературы, наряду с сочинениями Вергилия и Овидия часто цитировал Теренция и Плавта; он тонко воспринимал дух античного театра. В то же время его оценка ролей, исполняемых актером (*histrio*), мимом (*mimus*) и фокусником (*praestidigitator*)³³, согласуется с отрицательными суждениями Отцов Церкви и Цицерона³⁴ о лицедействе и характерна как для античной, так и для христианской традиции. Мыслитель считает, что актеры покоряют слушателей не глубиной и искренностью чувств, а странными телодвижениями, гримасами и разнузданностью.

Исследователям трудно упрекнуть Иоанна в предвзятости³⁵ к таким развлечениям, как охота, игра, музыка или театр, поскольку сам мыслитель определил главный критерий оценки любого действия в «предрасположении» (*affectus*)³⁶. Только человек, по его мнению, способен предать любому «обезличенному» занятию вполне конкретный образ³⁷. Ведь, например, охота сама по себе не является злом, однако как занятие неумеренного и жестокого тирана она становится бичом и для животных, и для людей.

Используемое Иоанном понятие «*affectus*» в латинском языке означает «состояние, расположение, страсть, аффект»³⁸. Однако уместно его переводить как «предрасположение», поскольку в данном случае, как нам кажется, Иоанн опирался на построения Ансельма Кентерберийского. Согласно Ансельму, человеческая душа имеет четыре способности: волю (*voluntas*), интеллект (*intellectus*), разум (*ratio*) и предрасположение (*affectus*)³⁹. При этом последняя способность свидетельствует о том, что после первородного греха человек не потерял полностью свободы выбора и по глубокому желанию способен достичь даже в земной жизни блага. Наличие «предрасположения», принципиально отличного от «воли»,

дает каждому возможность как духовно, так и физически предпочесть добро злу. «Affectus» – это намерение человека совершить что-либо. Таким образом, обличая «бытовые» пороки придворных, Иоанн указывает на их духовную природу и духовные последствия.

Иоанн различает два вида удовольствия (*voluptas*) – «христианское», в основе которого лежат любовь к Господу и добродетельный образ жизни, и «языческое», предпочитающее не достоинства праведности, а пиршества, танцы и разврат. Апология наслаждения приобретает вполне конкретное значение для общества. Мыслитель предостерегает от «эстетизации» греха, от любовного, часто даже не осознанного упоения пороком и его «пропаганды» в масштабах целого государства. Принципы материальной жизни, ее благ и удовольствий противопоставляются идеалам христианского общежития, духовного единомыслия всех членов «*corpus rei publicae*».

Увлечение придворных «забавами» не оставляет им возможности изучать свободные искусства, постигать глубину мудрости древних. Фактически «корнифии» трактата «Металогик» («*Metalogicon*», 1159) ныне неизвестных «ученых мужей» – современников Иоанна, столь рьяно нападавших на логику Аристотеля, – сопоставляются с «политическими корнифиями» «Поликратика», с теми, кто отвергает знание и довольствуется лишь сиюминутными удовольствиями. В своей критике куртуазного общества Иоанн скорее предупреждал о последствиях несправедливой жизни придворных, чем клеймил их позором; он стремился обратить внимание читателей на моральный облик власти, призывал отказаться от показной добродетели и вступить на путь праведности.

Телесное наслаждение, которое Иоанн образно называет «мачехой добродетели» («*поуегса ... uirtutis est*»)⁴⁰, не может быть источником блага⁴¹. Следовательно, только путем самоограничения человек способен достичь высшего состояния единения с Богом. В том случае, если придворные (и все остальные члены общества) будут жить воздержанно, от Всевышнего последуют милость и благодеяния и государство никогда не постигнет наказание в виде тирании. Идеальный придворный в представлении Иоанна Солсберийского – это «блаженный муж» (Цицерон), сочетающий в себе не только умеренность, богатый внутренний мир и спокойствие духа, но и верность своему господину и долгу. В образе придворного, как в зеркале, отражаются черты его государя, и наоборот, в облике праведного правителя или же тирана проявляются внутренние качества его окружения. Именно поэтому в «Поликратике» отчетливо видна неразрывная связь между верховной властью, властью на местах и простым народом, проявляющаяся во взаимной ответственности каждого члена единого «тела государства»⁴².

Примечания

- ¹ *Schaarschmidt C.* Johannes Saresberiensis nach Leben und Studien, Schriften und Philosophie. Leipzig, 1862 ; *Demimuid M.* Jean de Salisbury. P., 1873 ; *Webb C.* John of Salisbury. L., 1932 ; *Liebeschütz H.* Medieval Humanism in Life and Writings of John of Salisbury. L., 1950 ; *Dal Pra M.* Giovanni di Salisbury. Milano, 1951 ; *Nederman C. J.* John of Salisbury. Temple, 2005. На русском языке см.: *Крылова С. Е.* О политических взглядах Иоанна Солсберийского // Проблемы социальной истории и культуры средних веков : межвуз. науч. сб. Л., 1987. С. 29–40. Краткий экскурс, позволяющий представить основные этапы изучения творчества Иоанна Солсберийского, в отечественной историографии можно найти в работе : *Гладков А. К.* Иоанн Солсберийский в России (историографические заметки) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 5–9. Подробнее о периоде обучения схоласта во Франции и времени его дипломатических путешествий по Западной Европе, во многом определивших мировоззрение и политические пристрастия Иоанна Солсберийского, см.: *Гладков А. К.* «Интеллектуальная география» средневековой Франции : парижские школы XII в. глазами современников // Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора А. А. Сванидзе / отв. ред. А. К. Гладков, П. Ю. Уваров. М., 2011. С. 325–334, 521–530 ; *Он же.* «Итальянская одиссея» Иоанна Солсберийского // Многоликость целого. Из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 494–507.
- ² *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis.* Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum / Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C. I. Webb / with an introduction by P. McNulty. N. Y., 1979. Vol. I–II (1-е изд. Oxford, 1909) (далее – *Policraticus*, с указанием тома, книги, главы и страницы).
- ³ *The Letters of John of Salisbury* / ed. by W. J. Millor, S. J. and H. E. Butler. Revisited by C. N. L. Brooke. L., 1955. Vol. I. (The Early Letters, 1153–1163). №. 111. P. 182.
- ⁴ *John of Salisbury's Entheticus Minor* // *John of Salisbury's Entheticus Maior and Minor* / ed. by J. van Laarhoven. Leiden, 1987. Vol. I. P. 238.
- ⁵ Малый «Энтетик» (*Entheticus Minor*, *Entheticus in Policraticus*) предваряет текст трактата «Поликратик», а Большой «Энтетик» («Энтетик об основоположении философов» («*Entheticus de dogmate philosophorum*»)) является самостоятельным произведением.
- ⁶ «*Omnia, si nescis, loca sunt plenissima nugis, / quarum tota cohors est inimica tibi: / ecclesia nugae regnant, et principis aula, / in claustro regnant, pontificisque domo; / in nugis clerus, in nugis militis usus, / in nugis iuvenes, totaque turba senum; / rusticus in nugis, in nugis sexus uterque, / servus, et ingenuus, dives, egenus, in his*» (*John of Salisbury's Entheticus Minor*. P. 239).
- ⁷ Подробнее см.: *Cotts J.* Peter of Blois and the Problem of the «Court» in the Late Twelfth Century // *Anglo-Norman Studies*. 2005. Vol. XXVII. P. 68–84.

- ⁸ Jaeger C. S. The Origins of Courtliness. Civilizing Trends and the Formation of Courtly Ideals, 939–1210. Philadelphia, 1985. P. 55.
- ⁹ Introduction // Map W. De nugis curialium / ed. by M. R. James. Oxford, 1983. P. XXXI.
- ¹⁰ Wilks M. John of Salisbury and the Tyranny of Nonsense // The World of John of Salisbury / ed. by M. Wilks. Oxford, 1994. P. 263–286 (1 Ed. – 1984).
- ¹¹ Türk E. Nugae curialium. Le Règne d'Henri II Plantagenêt (1145–1189) et l'éthique politique. Genève, 1977. P. 68–94.
- ¹² «Nulla uersatur in culpa qui, urgente stimulo necessitatis non reprobati studii exercitio uitam cogitur exhibere» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 33).
- ¹³ «Si uero clariore praeda, ceruo forte vel apro, uenantium labor effulserit, fit plausus intolerabilis, exsultant uenatores, caput praedae et solennia quaedam spolia triumphantibus praefereuntur; regem Capadocum captum credas...» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 22). Иоанн едва ли считал, что между людьми и животным возможна «справедливость» (см., например, аналогичные суждения Хрисиппа и Посидония, упомянутые Зеноном. Подробнее : Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VII. 129 / пер. М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 308). Однако, видя в последних «образ Божий» («imago Dei»), Иоанн считал недопустимым убийство зверей сверх меры. См.: Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 30.
- ¹⁴ «Fixerit aripedem ceruam licet, aut Erimanti placarit nemora uictor Alcides, non uoluptati suae, sed publicae prospexit utilitati» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 22). В данном случае Иоанн прямо ссылается на «Энеиду» Вергилия. См.: «Столько стран не прошел ни Алкид в скитаниях долгих, / Хоть и сразил медноногоу лань и стрелами Лерну / Он устрасил и покой возвратил лесам Эримарфа» (Вергилий. Энеида. VI. 801–803 / пер. С. Ошерова // Он же. Собрание сочинений. СПб., 1994. С. 238).
- ¹⁵ Иоанн, безусловно, признает, что охота требует большого мастерства, смекалки и искусного владения оружием, однако она лишь в том случае «безвредна», когда является средством к пропитанию, а не смыслом жизни. Возможно, используя понятие «искусство охоты», Иоанн руководствуется классификацией Гуго Сен-Викторского. Согласно трактату «Наставление к обучению» («Didascalicon») философия делится на четыре части: «теорика», «практика», «механика» и «логика». К «механике», наряду с сельским хозяйством, торговлей и др., относится также «охота». Однако, в отличие от Иоанна, Гуго не дал «охоте» моральной оценки, его главной целью было систематизировать знание, соединить разрозненные данные в единую универсальную картину. Подробнее см.: Гладков А. К. «Omnium expetendorum prima est sapientia». Иерархия знания и классификация искусств в «Дидаскаликоне» Гуго Сен-Викторского // Лихудовские чтения : материалы науч. конф. «Третьи Лихудовские чтения» / отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2011. С. 185–193.
- ¹⁶ «Eo denique tempore primum captiuntur Athenae, quo interdictae uenationis edictum censuerunt esse soluendum, et artem utriusque uenationis cum exercitio publice admit-tendam» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. IV. P. 26).
- ¹⁷ «Nempe qui his studiis aut desidiis insistent, semiferi sunt, et abiecta potiore humanitatis parte, ratione morum prodigiis conformantur» (Ibid. P. 26).
- ¹⁸ «Quomodo ergo dignus est uita, qui nihil aliud in uita nouit, nisi uanitatis studio saeuire in bestias?» (Ibid. P. 24). Иоанн, ссылаясь на слова пророка Иезекииля (Иез. 32, 29–30), говорит, что те, кто жил забавами, уже давно томятся в аду. См.: Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 29.
- ¹⁹ «Quaeruntur otia post labores...» (Ibid. P. 26). Фактически Иоанн переносит принцип «достойного досуга» после трудов, понимаемого и Цицероном, и Саллюстием прежде всего как отказ от активной политической деятельности, в плоскость повседневной жизни каждого человека. Отдых лишь тогда оправдан и благоприятен, когда сменяет труд, а развлечения следуют после лишения. При этом, однако, и на отдыхе не следует предаваться охоте. Возможно, как предположила Б. Смолли, критикуя распространенную привычку охотиться, Иоанн опирался на Саллюстия. (См.: Smalley B. The Becket Conflict and the Schools. A Study of Intellectuals in Politics. Oxford, 1973. P. 95). В сочинении «О заговоре Катилины» историк прямо называет земледелие и охоту «обязанностями рабов». См.: Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины. IV. 1 // Он же. Сочинения / пер. В. О. Горенштейна. М., 1981. С. 6.
- ²⁰ «Raro inuenitur quisquam eorum modestus... et... sobrius numquam» (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 26–27).
- ²¹ Ibid. P. 26–27.
- ²² «Primus ergo ponitur Nembroth robustus uenator contra Dominum. Eum reprobum fuisse non ambigis, quem omnium doctorum turba condempnat. Traditur hic in tantam elationis erupisse uecordiam, ut non uereretur iura temerare naturae, cum consortes conditionis et generis, quos ingenio illa creauerat, hic addiceret seruituti». (Ibid. P. 27).
- ²³ Подробнее см.: Гладков А. К. «Убийство тирана не грех, но благодеяние». Представление о неправедной власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Средние века. Исследования по истории Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2008. Вып. 69(3). С. 81–96 ; Он же. Интерпретация образа царя Гиркана по трактату «Энтетик об основоположении философов» Иоанна Солсберийского // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / отв. ред. Л. П. Репина. М., 2008. Вып. 22. С. 54–64.
- ²⁴ «...bestialemque saepe inuenerint exitum uitae qui dum licuit bestialiter uixerant». (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 30).
- ²⁵ «Regibus quoque ipsis manus Domini non pepercit, et in malitiam eorum condignam et gloriosam exercuit ultionem» (Ibid. P. 30). О смерти Вильгельма см.: Hollister W. C. Henry I. New Haven ; L., 2001. P. 102–103.
- ²⁶ Warren W. L. Henry II. Berkeley ; Los Angeles, 1991. P. 393.
- ²⁷ Иоанн знал суждения Цицерона о вреде чрезмерного наслаждения и, напротив, о великой пользе «умеренности». См.: Цицерон. Тускуланские беседы. IV / пер. М. Л. Гаспарова // Он же. Избр. соч. / всулит. ст. Г. Кнабе. М., 2000. С. 315.

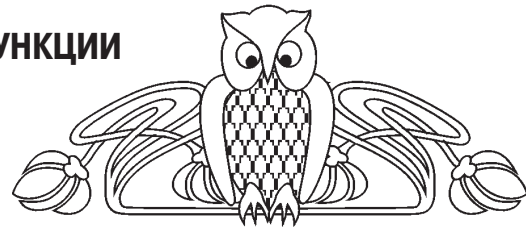
- ²⁸ Poligraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 5. P. 35–36.
- ²⁹ Ibid. Vol. I. Lib. I. Cap. 6. P. 39.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid. P. 39–40.
- ³² Цит. по: *Шестаков В. П.* Гармония как эстетическая категория. Учение о гармонии в истории эстетической мысли. М., 1973. С. 77. По классификации Гуго музыка, наряду с арифметикой, геометрией и астрономией, входит в математику, которая, в свою очередь, является частью «теористики».
- ³³ Подробнее см.: *Даркевич В. П.* Народная культура средневековья : светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988.
- ³⁴ Цицерон пишет : «...и наименьшего одобрения заслуживают ремесла, обслуживающие наслаждения. Бегут ко мне приветливо торговцы тонкой снедью / колбасники, пирожники и рыбак, ..., говорит Теренций; прибавь к ним, если хочешь, людей, изготовляющих благовония, плясунов и всю игру в кости» (*Цицерон. Об обязанностях. I. XLII* / пер. В. О. Горенштейн // Он же. О старости. О дружбе. Об обязанностях / изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко. М., 1974. С. 96–97).
- ³⁵ Poligraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 31.
- ³⁶ Ibid. P. 32.
- ³⁷ Ibid. P. 32–33.
- ³⁸ *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 46 ; Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли. Теология и философия Европейского Средневековья. СПб., 2002. Т. II. С. 519.
- ³⁹ *Карева В. В.* Гвиберт Ножанский и его сочинение «Monodiae» // Общественная мысль в контексте истории культуры. Сборник в честь Альфреда Энгельбертовича Штекли / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2004. С. 19.
- ⁴⁰ Poligraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 33.
- ⁴¹ Платон, например, называл наслаждение «сильнейшей приманкой зла» и, по большому счету, вообще отрицал за ним возможность привнесения в мир блага. См.: *Платон. Тимей. 69d* / пер. С. С. Аверинцева // Он же. Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. III. С. 475 ; *Он же. Филеб. 55a* / пер. Н. В. Самсонова // Там же. С. 63. Это мнение Платона приводит Цицерон в своем сочинении «О старости». См.: *Цицерон. О старости. XIII. 43* / пер. В. О. Горенштейн // Он же. О старости. О дружбе. Об обязанностях. / изд. подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек и С. Л. Утченко. М., 1974. С. 18.
- ⁴² *Гладков А. К.* Cor Rei Publicae : «Анатомия власти» и политические представления в средневековой Западной Европе // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2010. С. 40–45.

УДК 94(410) "1066/1485"

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ AFFINITY В XIV–XV ВЕКАХ

В. В. Кудряков

Московский педагогический государственный университет
E-mail: filadelf@mail.ru

Эволюция феодальных обязательств на рубеже XIII–XIV вв. повлекла отмирание военной службы на основе прежних вассальных связей и их замещение системой контрактных обязательств, содействовавших формированию института *affinity*. Эти сообщества, складывавшиеся вокруг магнатов, не только выполняли военные функции, но и становились центрами социальной, политической и административной жизни. Они защищали интересы своих членов, содействовали установлению между ними экономических и матримониальных связей. Успешные *affinity* брали под свой контроль местную исполнительную и судебную власть, а также выборы в палату общин. Однако их борьба за преобладание являлась важным фактором, дестабилизирующим политическое развитие Англии в XIV–XV вв.

Ключевые слова: аффинити, патенты, договоры, держательские связи, войны Роз, Джон Гонт, Уильям Гастингс, Генрих Перси, Ричард Невиль.

Affinity in the XIV–XV Centuries: Means of Formation and Social Functions

V. V. Kudryakov

Evolution of feudal system on the verge of the thirteenth and fourteenth centuries entailed a decline of military service based on for-

mer tenurial bonds and its substitution by the system of contracted obligations which facilitated development of the institution of *affinity*. These communities forming around magnates executed not only military functions but became the centers of social, political and administrative activity. They defended interests of their members and promoted matrimonial and economic links among them. Prosperous *affinities* gained control over local executive and judicial power as well as elections to the House of Commons. However, their struggle for dominance contributed to a considerable extent to instability of political development in England in the fourteenth and fifteenth centuries.

Key words: affinity, patents, indentures, tenurial bonds, the Wars of the Roses, John of Gaunt, William Hastings, Henry Percy, Richard Neville.

Инициатива, вызвавшая к жизни трансформацию прежней военной и социальной системы, принадлежала еще Эдуарду I. В 1277 г. в ходе валлийских войн он впервые заключил ряд договоренностей с крупными баронами, предоставив им выплаты за военную службу. Они в свою очередь должны были составить соглашения с собственными людьми. В 80–90-е гг. эта практика получает широкое распространение, а бесплатная военная